

5 авг. 1985

ИЗВЕСТИЯ



МУЗА РУССКОГО БАЛЕТА



ВСПОМИНАЯ строки Пушкина, Уланову часто называли «русской Терпсихорой», чей полет, да и не только полет, но каждое движение были «исполнены душой». Юрий Григорьевич назвал ее «музой русского балета». Огромно духовное влияние великой балерины на ее современников. О ней говорили и писали крупнейшие писатели и режиссеры, поэты и музыканты, художники и актеры, зрители самых разных профессий и интересов.

Неожиданно находишь слова об Улановой в самых различных изданиях: в письмах Ольги Книппер-Чеховой и Аллы Тарасовой, в недавно вышедшей книге «Рыжов о Рыжовой».

Ростислав Плятт говорит: «Для меня Уланова — совесть. Совесть художника... Ее нравственный потенциал таков, что невольно подчиняет себе». Актриса театра «Современник» Марина Неелова писала об Улановой: «Первое, что я узнала о балете, — была Уланова. Мне было не более пяти лет, но я уже совершенно четко усвоила, что балет и Уланова — одно и то же. Неприлично, конечно, говорить об Улановой, не видя ее на сцене. Но я жила в Ленинграде, и просто опоздала. И тем не менее мне все-таки повезло. Однажды, включив телевизор, прилипаю к экрану: крупный план — женская рука, нервная, трепещущая завораживающе...»

Не знаю, сколько времени длился этот план, но в нем было так много глубокого смысла, так много всего, что для меня это выросло в целую сцену. Это была Уланова. Таков был первый урок, преподнесенный мне, драматической актрисе, великой балериной.

Второй улановский урок был позже. На меня свалилось счастье. Меня познакомили... с Галиной Сергеевной, она сказала несколько добрых слов в мой адрес. Набравшись смелости,

пригласила Галину Сергеевну на свой спектакль... Уланова сделала мне такие точные, такие режиссерски конкретные замечания, что это было во сто крат важнее просто похвалы.

Так люди разных поколений

испытывают возвышающее влияние искусства Улановой.

В ее творческой жизни была особая, суровая и прекрасная пора. В годы Великой Отечественной войны, «когда гремели пушки» не молчали и музы,

даже самая хрупкая из них — муза танца Терпсихора.

«Я вспоминаю свои выступления, — писала Уланова, — специально для советских воинов, когда театр целиком отдавался в их распоряжение. Как востор-

женно и благодарно принимали они артистов!

Я вспоминаю, как в 1944 году в Ленинграде, в Аничковом дворце, на маленькой импровизированной эстраде выступали мы перед ранеными бойцами. Это очень волновало. Так, как редко бывает даже на залитой огнями сцене в Большом театре»...

В СЕНТЯБРЕ 1984 года я оказался на гастролях Малого театра в Алма-Ате. Я остановился у здания Казахского ака-

демического театра оперы и балета им. Абая и вспомнил, что в годы войны здесь танцевала Уланова. Об Улановой помнят здесь до сих пор, мне благоговейно, влюбленно рассказывали о ней зрители, балетные артисты, работавшие в те годы.

Город тогда был совсем другим, небольшие дома, темные улицы, всего одна гостиница, где и жила Уланова. Тяжелый, скудный быт войны, суровые зимы, лишения, раненные, калеки, холод неотопляемых жилищ. Освещая один театр оперы и балета, весь город был во тьме. Но какие удивительные люди жили и работали тогда в Алма-Ате! Театр им. Моссавета во главе с Ю. Завадским, с актерами Н. Мордвиновым, В. Маренкой, Л. Орловой, на киностудии С. Эйзенштейн снимал «Ивана Грозного» с Н. Черкасовым, М. Жаровым, С. Бирман, П. Кадочниковым, А. Бучмой.

В театре оперы и балета пела Л. Александровская, другие великопеленные певцы, ставила балетмейстер Г. Березова, танцевала известная ленинградская балерина В. Каминская. В театр стремились страстно, по-настоящему трудно, зал был всегда переполнен. Это был действительно храм света, надежды, радости. В театре был обширный репертуар, шли многоактные, большие спектакли.

Л. П. Александровская и другие певцы перед каждым спектаклем пели какую-нибудь патристическую песню — это вызвало подъем в зале, создавало особую атмосферу.

После спектаклей устраивались с участием всех ведущих актеров, с Улановой во главе, ночные концерты в фонд обороны, они начинались в двенадцать часов ночи, а то и позже, и на них зал тоже был всегда переполнен. Выступала Уланова и в палатах госпиталей, перед ранеными бойцами.

18 июня 1942 года состоялось ее первое выступление на сцене Театра имени Абая. Она исполнила роль Марии в балете «Бахчисарайский фонтан». В сезоне 1942—1943 года Уланова танцевала Одетту, Марию, Жизель, в концертах — «Умиряющего лебедя», номер на музыку Шумана.

Будущий автор книги «Балетное искусство Казахстана» Л. П. Сарынова была тогда девочкой, воспитанницей хореографического училища. Однажды дети пошли к Улановой в гостиницу. В комнате только самая необходимая мебель, железная кровать, покрытая солдатским суконным одеялом, веревка, на которой сушились балетные туфли, туника. Уланова в скромном халатике в будничной обстановке.

«Для нас, детей, — вспоминает Л. Сарынова, — было поразительным преображение человека в искусстве. Вчера на сцене, в костюме, воздушное существо неземной красоты, сегодня, в жизни — предельная скромность, пленительная «незаметность».

Одна из ведущих балерин Театра им. Абая Н. Викентьева говорит о беспримерной работоспособности Улановой:

«Приезд Улановой поднял всю труппу, мы все просто не представляли себе, что можно так репетировать, так работать, не представляли себе такой степени творческой самоотверженности. Уланова не делала никаких скидок, каждый день занималась, репетировала, привлекала внимание к каждой, самой мельчайшей детали буквально потрясали концертмейстеров, партнеров, всех, наблюдавших процесс ее работы. Театр отапливался плохо, за кулисами старались направлять на Уланову прожектора, чтобы хоть немного согреть ее перед выходом.

Причем Уланова была занята не только своей ролью, она работала со всей труппой, вместе с Г. Березовой восстанавливала «Жизель», репетировала с В. Бакановым, который стал ее постоянным партнером, мастером дуэтного танца.

Ее пример воодушевлял всех. Помню, как в театре появился артист О. Сталинский, —

он был контужен, на костылях, в обмотках. Никто не мог поверить, что он когда-нибудь сможет танцевать. Присутствие Улановой, ее мужество в работе, ее участие вернуло его на сцену, он стал выступать, был прекрасным Гансом в «Жизели», Гиреем в «Бахчисарайском фонтане».

Очень помогла Уланова молодой казахской балерине Н. Тапаловой, которая эмоционально и ярко станцевала Зарему. Так же помогла она и мне войти в роль Жизели. Мы так никогда не работали, после общения с ней все словно переродилось.

Уланова с большим интересом, хотя и с некоторой боязнью, занималась балетмейстерско-педагогической работой, думается, что именно в эти годы возникло ее новое призвание — призвание тончайшего педагога.

Не только труд, но и все поведение Улановой в театре было для всех нас высоким этическим примером. Никакого премьерства, никаких претензий, ни тени каприза. Она органично, естественно влилась в труппу, не было ощущения звезды, гастролерши, ни в чем не давала она почувствовать исключительность своего положения. Недаром, когда она уехала, долго оставалось чувство пустоты...»

Спектакли с участием Улановой в годы войны становились событием, праздником подлинного искусства. Пребывание Г. Улановой в Казахстане оставило большой след не только в творческой жизни балетной труппы, но и в работе хореографического училища, где Галина Сергеевна проводила репетиции выпускного спектакля «Лебединое озеро».

Так труд выдающейся балерины стал частью великого подвига народа, помогал сохранить и приумножить его культуру в годы тяжелых испытаний и бедствий.

Сегодня, в начале 1985 года, в преддверии праздника Победы, хочется вспомнить именно эту страницу жизни Галины Сергеевны Улановой.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.
Фото Ю. ИНЯКИНА.